

УДК 94 (571.1): 332.021.8

ЭТАТИЗМ И КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1906 – 1911)

А. Ю. Карпинец, Н. М. Морозов

STATISM AND COLONIZATION IN TOMSK PROVINCE (1906 – 1911)

A. Yu. Karpinets, N. M. Morozov

В статье рассмотрена ментальная природа российского этатизма и особенности его проявлений в действиях органов государственной власти, осуществлявших колониационную политику в Томской губернии.

Ключевые слова: колониационная политика, государство, крестьянский мир, архетипические образы, неосознаваемые стереотипы, этатизм.

The article discusses the mental nature of the Russian statism, and especially its manifestations in the actions of public authorities, carrying out policies of colonization of Tomsk.

Keywords: colonization policy, the state, the peasant world, archetypal images, unconscious stereotypes, statism.

Реформа начала XX в. в России, названная именем П. А. Столыпина (1862 – 1911), в силу провозглашённых многоцелевых намерений и определяющего влияния на трансформацию сибирского крестьянства, всегда интересовала отечественных историков. Выполняя социальный заказ на выделение из этого опыта прошлого рецептов эффективных преобразований, они подчёркивали особую роль Томской губернии в 1906 – 1911 гг., принявшей около 940 тыс. переселенцев [11; 27; 30; 40; 41; 42; 44; 46; 49]. В начале XXI в., по мере осмысления тенденций в аграрной политике государства, в том числе просчётов при формировании в 1990-е гг. фермерства – нового слоя сельхозпроизводителей, потребность в подобных изысканиях возросла.

Ценность исследовательских проектов стала определяться не только вычленением специфики и глубокой в детализации влияния внешних факторов и новых внутренних порядков на жизнь крестьянского мира, но и приумножением аналитических способов измерения процессов, сопровождавших колониационный бум. В последние два десятилетия учёные переоценили прежние концепции, дистанцировались от ранее доминировавшего классового подхода [53, с. 87 – 94] и сосредоточились на разработке проблематики переселений с позиций поступательного развития производительных сил Сибири и её отдельных территорий [4; 45, с. 28 – 50; 52; 56, с. 15 – 25], осмысления степени подготовленности и достаточности мер по организации перемещения людей [7; 18] и финансированию сельскохозяйственной инфраструктуры на местах [21], по распространению передовых систем землепользования [16; 47] и других критериев, характеризовавших практику государственного администрирования. Технология постижения указанной проблематики выстраивалась преимущественно на основе неопозитивистской интерпретации логически выстроенных фактов демографического, экономического, внутри- и геополитического порядка, в реальности материализовавших причины и ход новой волны колонизации Томской губернии. Вместе с тем приоритет материалам, отражавшим осознанные действия пред-

ставителей основных субъектов, вовлечённых в реформу (российское общество, государство и крестьянство как социальная группа), замыкал исследователей в пространстве рациональных смыслов и поступков, которые казались достаточными для установления причинно-следственных и других связей между имевшими место событиями и явлениями.

Не отрицая важности этой части информации, почерпнутой из источников, заметим, что в ней снималась большая часть психических связей, наличествующих на подсознательном уровне, в действительности выполнявших функцию регулятора мышления и поведения организаторов и участников рассматриваемого исторического процесса. В современном междисциплинарном пространстве гуманитарных и естественных наук сформировалось понимание непреложности адаптивной природы неосознаваемых психологических автоматизмов, специфичных для больших социальных групп, и их основополагающего воздействия на все сферы жизни общества [17, с. 23-25; 39, с. 14 – 107]. Вновь актуализируются идеи В. Дильтея (1833 – 1911), призывавшего придать психологизму статус принципа исследования, и Миллюкова П. Н. (1859 – 1943), считавшего психологию человека конечной, основной клеткой исторического анализа [51, с. 94]. Поэтому не вызывает сомнений методологическое значение ментального измерения колониационной политики царизма в Сибири, то есть реконструкции элементов её психолого-исторической заданности. Познавательные возможности указанного подхода очевидны при его использовании в качестве дополняющего компонента к неопозитивистской методике изучения реформы, результативность которой прямо пропорциональна объёму и видовому разнообразию привлечённых правдоподобных сведений, научных идей и исследовательских приёмов.

В своё время выводы о финансовом сопровождении переселения крестьян в Томскую губернию, сформулированные на основе анализа статистической отчётности, позволили одному из авторов настоящей статьи (А. Ю. Карпинцу) утверждать о существовании в недрах государства чёткого и отлаженного меха-

низма действий органов центральной власти и губернского уровня, который определялся сложившимися традициями составления и исполнения бюджета [21, с. 21]. За скобками остался вопрос «Почему указанный механизм был устроен так, а не иначе?». Не умаляя значения долгосрочных и ситуативно-осознанных решений и действий властных структур, наполнявших картину повседневности в организации переселенческого движения, полагаем, важно воссоздать и учитывать систему общих представлений участников событий о должном, что не могло быть напрямую высказано и тем более осмыслено, что воспринималось как само собой разумеющееся, не являясь тенденциозным [15, с. 231], но бессознательно и бесконтрольно предопределяло участие государства в перекраивании социального ландшафта Томской губернии. Речь идёт о соотношении выявленных в менталитете русских истоков специфики российской государственности со сложившимся к началу XX в. в её недрах механизмом реализации собственных инициатив по преобразованию крестьянского мира.

Решение этой задачи облегчается с помощью разработанной Н. М. Морозовым конфигурации мента-

литета русских, составленной в системе их традиционного троичного мышления и в проекции архетипов, архетипических образов и неосознаваемых стереотипов (см. таблицу). Тезисно напомним её обоснование.

К менталитету, на наш взгляд, следует отнести неосознаваемые мыслительные и поведенческие автоматизмы, выработанные в этнической среде, интерпретация которых излагается на основании концепции архетипов К. Г. Юнга. Согласно классику психоанализа, многократное и длительное повторение (в течение многих столетий) переживаний, страхов, стрессов сформировало общие для всего человечества архетипы. Это наследуемые базовые формы, лишённые какого-либо содержания, но которые активизируются в жизненных ситуациях, соответствующих данному архетипу. Они воспринимаются через образы, мотивы, идеи, символы, выражающие наиболее фундаментальные взаимоотношения и цели конкретного общества, определяющие направленность человеческой активности в то или иное историческое время [60, с. 215].

Таблица

Структура менталитета русских в системе традиционного троичного мышления и в проекции архетипов, архетипических образов и неосознаваемых стереотипов

<i>Архетипы</i>	<i>Мать – сыра Земля</i>	<i>Великий отец</i>	<i>Эго</i>
<i>Персона</i> (является внешним проявлением того, что мы предъявляем реальности)	<i>Мир</i> (как модель духовного и материального единения людей), коллективизм, этоно и веротерпимость	<i>образ Вождя</i> – сакрализация, авторитарность, аерархичность	<i>образ Воина-хлебопашца</i> , богатыри русских былин, великие полководцы
<i>Самость</i> (архетип целостности и порядка)	<i>Мобилизационный тип развития</i> (как модель оптимального соотношения между потребностями и условиями развития мирского) экстенсивизм, заимствование новаций	<i>Державность</i> (как модель управления), этатизм, патернализм	<i>Душа</i> (как модель устройства внутреннего мира человека) – приоритет внутренних духовных ценностей над материальными
<i>Договор</i> (архетип возможных отношений)	<i>Правда</i> (высшее воплощение всего положительного) справедливость, двоемыслие	<i>Негласный договор</i> (как модель легитимности власти), служение	<i>Достаток</i> (как мера минимальных индивидуальных потребностей) – трудолюбие, «авось» – проблема»
<i>Младенец</i> (выражение эмоциональной неуравновешенности и фантазий)	<i>Идеи обращённости в прошлое и будущее, мессианизм</i>	<i>«Вручение себя»</i> (как модель связи с сакральным), патронат	<i>Воля</i> (как идея свободы, соединённой с ощущениями простора) – идея бунта, безмерность, слабый самоконтроль

Архетипы являются продуктом подавленных переживаний, несут в себе как созидательные, так и деструктивные аспекты. Они узнаваемы во внешних поведенческих проявлениях, связанных как с обыденными, так и с критическими жизненными ситуациями – рождением, браком, материнством, смертью с ещё многими событиями. Теоретически возможно любое число архетипов [8, с. 26 – 33; 34, с. 36 – 37; 37, с. 20 – 87; 50].

В результате анализа достоинств и слабых мест исследовательских стратегий по составлению структуры менталитета был сделан вывод, что в решении этой проблемы следует учитывать духовные представления русских, доминировавшие в XIII – XVI вв., – в период становления молодой российской цивилизации, вокруг которых изначально формировалась их этническая идентичность.

У русского человека, проживавшего в сложных природных для хозяйствования условиях, в агрессивной внешнеполитической среде и ощущавшего на себе опосредованное влияние территориальной необъятности, выработалась способность синкретичного и образного восприятия жизненных обстоятельств, интуитивно чувствовать их крайние состояния и одновременно возможности срединного пути, внутренние мотивы примирения. С широким проникновением в начале XVIII в. в интеллектуальную среду России научного рационализма с бинарными объяснительными схемами, были заимствованы антиномии, и уже в XIX – XX столетиях в общественном сознании стала характерной абсолютизация противоречий, ослабившая внимание к существующей рядом сфере «между» [2, с. 125 – 133].

Троичный тип мышления воспроизводит в симбиозе языческого и православного представлений об устройстве мира его древнеарийское мистическое понимание в троичном измерении: Бог как мир, Бог как таковой, Бог как человек, и его восприятие на уровне врождённого бессознательного в конфигурации симметричных связей с архетипическими формами, восходящими соответственно: к природному началу – Мать-сыра Земля – символу жизненного круговорота, характерному для многих земледельческих народов, ощущаемому как общество-мир; к архетипу Великий Отец – как собственно божественное, и Эго – как внутренний мир человека [3, с. 77 – 84; 10, с. 25 – 30; 23, с. 162; 36, с. 165 – 167; 55, с. 44 – 53].

Отметим, что в сновидениях и фантазиях членов исследуемых К. Г. Юнгом групп, указанные архетипические формы выступали в персонифицированном виде. Не вызывает сомнений, что в менталитете русских они являются системообразующими, в многозначных образах запечатлевшими соответственно: природу крестьянского мира; сакральную сущность Вождя, символизирующего важнейшее звено государственности, и этнического прототипа. Обнаружить психологические доминанты, обусловившие смысловую неисчерпаемость персонифицированных форм, позволяет другая группа архетипов – трансформации (Персона, Самость, Договор, Младенец и другие), имеющих аналогичную неисчерпаемую информативность, но выраженных типичными ситуациями, мотивами, средствами, моделями поведения [59, с. 117 – 120].

Функциональная согласованность архетипов позволяет продолжить наложение на полученную матрицу родственной группы универсальных образов, идей, моделей поведения русских, известных по научной литературе как некоторые из признаков, идентифицирующие российскую цивилизацию, выделенные по принципу поглощения других, на наш взгляд, конкретизирующих значений. Представленные в таблице образы (Мир, Мобилизационный тип развития, Правда, образ Вождя, Державность, Негласный договор и другие) демонстрируют взаимную близость на сущностном уровне, то есть понимание каждого оказывается невозможным без обращения к природе остальных. Всё это даёт основание рассматривать указанные компоненты, относящиеся к коллективному бессознательному уровню психики, как базовые в структуре менталитета русских.

Так, исследователи крестьянства (М. М. Громыко, А. В. Камкин, В. К. Трофимов и другие) констатировали, что в коллективном и индивидуальном сознании русских проявление социоприродного начала ассоциировалось с образом сельского (деревенского) мира – сложившейся в течение многих столетий оптимальной модели духовного, производственного и гражданского единения людей [13; 20, с. 5; 48, с. 26 – 27]. Мобилизационный тип развития социума и регулирование отношений с позиций Правды были отзывчивы к требованиям державной власти, прочно занявшей центр интеллектуального пространства русских [29, с. 175 – 184].

Характеризуя русскую модель управления, Ю. М. Лотман утверждал об архетипичности «негласного договора» – системы чётко не фиксируемых, но всеми подразумеваемых взаимных обязательств между властью и обществом. Договор же, не освященный желательным авторитетом веры, «крепости» не имел. Поэтому слово, данное сатане (или его земным заместителям), надо нарушить [25, с. 349]. В свою очередь, образ «Вручение себя», по его мнению, указывает на служение безусловным ценностям, например, вождю, свободе, «общему делу» и другим символам, приобретшим ореол святости, которые по различным причинам периодически овладевали народными массами.

Остановимся на дальнейшей конкретизации менталитета. С этой целью следует обратить внимание на понятие «стереотип», за последние два десятилетия получившего многочисленные интерпретации и сложную видовую градацию по направленности: на этнические, динамические, конфессиональные, гендерные, авто- и гетеростереотипы и другие [5; 9, с. 18 – 35; 22; 38; 43]. Общим местом стало понимание того, что непосредственное отношение к менталитету имеют коллективные неосознаваемые стереотипы поведения (устойчивые, регулярно повторяющиеся модели поведения в той или иной социокультурной группе, которые зависят от функционирующей в этой группе ценностно-нормативной системы) и сознания (фиксирующие идеальные представления ценностно-нормативной системы, выступающие основой для формирования стереотипов поведения).

В отличие от архетипов и их образов, неосознаваемые стереотипы по своей сути более конкретны и функционально менее друг от друга зависимы вследствие того, что контролируют менее масштабные предметные пространства коллективной памяти. Они неизбежно проникают в психику индивида не в виде генетической наследственности как архетипы, а по многочисленным каналам в ходе воспитательного процесса: через речь, копирование навыков мышления и поведения родителей, бабушек, других нянек, сказки, песни, наблюдение бытовых ситуаций и других социальных практик, типичных для традиционного и современного общества. Знание предметной специализации неосознаваемых стереотипов позволяет соотнести их с пространством архетипических образов по принципу наличествующей согласованной направленности, при этом очевидны преемственные смысловые отношения, связывающие указанные компоненты в систему этнического менталитета.

Внесённые в матрицу стереотипы (коллективизм, этно- и веротерпимость, сакрализация, авторитар-

ность, иерархичность, служение и другие) ранее были выявлены и описаны многими авторами на основе материалов из истории России. Так, наряду с коллективизмом, представляющим собирательную модель приоритетов общности поведения людей, в литературе упоминаются частные вариации его видения, например: общинность, артельность, соборность.

Неоднозначно выглядит познавательная ситуация вокруг стереотипов, обуславливающих индивидуальность русского человека. Нетрудно заметить, что безмерность, слабый самоконтроль и трудолюбие могут характеризовать представителей многих этносов. Речь должна идти о том, какое значение они обретают в конфигурации ментального поля в условиях конкретной историко-культурной обстановки.

Исследователи отмечают трепетное отношение русских к Правде, символизирующей олицетворение всего положительного. Быть праведным означало быть мирянином, жизненный путь, отдельные мысли и поступки которого с благоволением воспринимались обществом. Образ Правды конкретизируется в стереотипном мотиве справедливости, который в широком смысле представляется должным, соответствующим взглядам индивида или социальной группы на сущность человека и его права. В течение длительной и богатой сюжетами истории поисков правды в справедливости, в обществе сформировались поведенческие ориентации: на максимализм, доходить до крайностей на пути к высшим ценностям, внутреннее ценностное понимание границы между хорошим и плохим, названное совестью.

Параллельно с утопичной, по сути, справедливостью сформировался стереотип «двоемыслия» как продукт повторяющихся суровых уроков несогласованности между должным и обстоятельствами его исполнения. Его проявления известны во всех сферах жизни, например: в сосуществовании обрядового православия и отправления языческих культов; в принятии планов, по оценке деятельности по фактическим результатам; в ценности не конечных результатов, а самого процесса продвижения к ним, и ещё во многих формах, имитирующих следование идеалу справедливости, сложившемуся в конкретное историческое время и в конкретной социальной группе.

Исследователи, нередко без особых условий выбрали угол зрения, чтобы выделить стереотипы и их истоки. Так, в поиске следов присутствия в менталитете таких чувственных форм, как радость, счастье и страдания, А. А. Григорьева нашла причину русского «авось» в счастье, доставшемся по глупому случаю, по милости судьбы [12, с. 14]. Хотя другим авторам адаптивное начало стереотипа «авось»-поведения виделось из ситуаций, предупреждавших, что нельзя надеяться на случайность и надо всегда быть готовым к столкновению с ней [28, с. 11].

Не вызывает сомнений, что кратко изложенные и другие компоненты менталитета русских участвовали в генерации ментальной природы исторически изменчивой российской политической системы, в которой архетип целостности и порядка выразился в образе Державности, символизирующей модель управления с доминирующим государственным началом в идеологии и политике центральных органов власти [26, с. 118]. В Державности закрепился опыт многих по-

колений по культивированию ценностно-рационального приоритета общественной направленности социальных отношений, выстроенных на основе стереотипизированных принципов, а именно: экстенсивизма (принцип взаимодействия государства, общества и природной среды); мессионизма (принцип взаимодействия государства, общества и внешнего мира), патернализма (принцип взаимодействия государства и индивида) [24, с. 455]. В трудах историков по колониальной политике в Томской губернии можно встретить многочисленные подтверждения о следах указанного опыта в действиях официальных структур. Сопоставление истоков приведённых фактов о разработке и реализации управленческих решений позволяет в контексте представленной ментальной аналитики полагать о предзаданности общего механизма действий органов центральной власти и губернского уровня. В этом убеждает зафиксированная исследователями приверженность управленцев этатизму – принципу взаимодействия государства с гражданским обществом.

Циркулировавшие в большинстве трудов знания об этатизме (фр. *etate* – государство) на уровне реплик обязывают обратить внимание на то, как в историографии уточнялось его содержание. Рассмотрим выявленные три варианта дефиниции. В первом случае, с общетеоретических позиций, подразумевалось направление общественно-политической мысли, расценивающее государство как высший результат и цель общественного развития. Процесс этатизации означал усиление государственного вмешательства во все сферы общества и, как правило, связывался с невозможностью для общества самостоятельно регулировать социальные отношения [14, с. 195 – 196; 58, с. 115]. Во втором случае этатизм рассматривался в виде политической доктрины, появившейся в конце XIX века и предусматривавшей расширение прямого вмешательства государства в социальную и экономическую жизнь страны (идеи Б. Дизраэли, О. фон Бисмарка, К. Ататюрка) через перераспределение ресурсов с целью смягчения социальных противоречий и предотвращения революционных тенденций [54, с. 433 – 434]. Усиление участия государства в хозяйственной жизни исследователи называли экономическим этатизмом [1, с. 26]. В диссертации Н. С. Шкурко его российский вариант показан специфической формой реакции властных структур на кризисные ситуации в попытке сохранить прежнее состояние государственности или создать новые основания [57, с. 11]. Таким образом, все авторы сходились во мнении, что государство выступало источником социального развития (а также стабилизации и механизмом регулирования противоречий между противостоящими социальными полюсами), особенно в тех случаях, когда по каким-то причинам с этой ролью не справлялись институты гражданского общества.

Несовпадающие смысловые акценты дефиниций на самом деле, непротиворечиво, с различных концептуальных ракурсов, высветили многообразие проявлений этатизма как неосознаваемого стереотипа-принципа, которые имели место во многих странах. В истории России указанный стереотип был востребован народными массами и элитами, не отличавшимися ровным отношением к государственной опеке.

Можно выделить периоды с особыми групповыми мотивами следовать указанному принципу, связанные с тенденциями в трансформации экономики и циклическим чередованием политических реформ и контрреформ. С этих позиций согласимся с В. И. Пантиним и В. В. Лапкиным, называвшим реформой «... не просто изменение системы государственного управления (подобное происходило в России практически при всех режимах – от Ивана Грозного до Петра I или Сталина), а по преимуществу либерализацию политической и экономической жизни, на основе которой происходят дифференциация и усложнение политической системы как таковой» [32]. Например, в XX веке периодами реформ авторы считали: 1905 – 1911 гг., 1922 – 1927 гг., 1956-1958 гг., с 1985 г. и далее за ними следовали непродолжительные, в 3 – 5 лет, переходные фазы, затем контрреформы: 1929 – 1953 гг., 1971 – 1982 гг.

Смысл контрреформ учёный-экономист В. Т. Рязанов сформулировал как «... некие преобразования с нерыночной ориентацией, корректирующие предыдущую фазу в соответствии с имеющимися внутренними и внешними ограничителями, или смену на более приемлемый вариант рыночного хозяйствования, отличный от существующих в мировой экономике образцов» [19]. И далее исследователь отмечал присутствие в государственных кругах и обществе двух существенных мотивов: реставрационного, связанного с определенными настроениями и социально-политическими силами, делавшими ставку на обновление ушедшей в прошлое модели хозяйствования, приспособление её к новым условиям; вторым мотивом могла быть выработка альтернативного курса экономического реформирования. Из сказанного следует, что этатизм как устойчивый социальный стереотип, не лишён динамики и объяснимой последовательности в своих проявлениях. В период проведения столыпинской реформы его опосредованная регуляция мышления и действий представителей центральной власти была сопряжена с вызревшими в недрах государства и формирующегося гражданского общества мотивами на либерализацию экономической и политической систем, и у крестьянства – на освоение имевшихся в Сибири свободных территорий с плодородной почвой.

Управляющая элита – как основной носитель рассматриваемого принципа – в своих воззрениях на должную роль государства в колонизационном процессе сохраняла преимущество взглядов на контроль за перемещением населения в Сибирь, осуществлявшимся и в прежние времена. Вместе с тем в новых исторических условиях значительно расширился спектр либеральных проявлений этатизма. Так, правительственная политика, вместо ранее пассивно-безличного или запретительного отношения к переселениям на отдельные территории Томской губернии, переориентировалась на поощрительные меры [6, с. 20 – 21]. П. А. Столыпин и его сторонники, увязывая решение земельных проблем крестьянства с необходимостью дальнейшего формирования гражданского общества, видели в последнем опору для укрепления государственности [33, с. 35 – 98; 31, с. 69]. Таким образом, вырисовывались новые векторы установок этатистски ориентированных управленцев – от

жёсткой административной опеки крестьянства, не обладавшего земельной собственностью, к переводу отношений внутри этой социальной группы и её взаимодействия с внешним миром на основе новых гражданско-правовых условий землевладения.

Некоторые исследователи сибирской колонизации в начале XX в. указывали на то, что одна часть намеченной программы имела собственно «переселенческий», а другая – «земский» характер [35, с. 31 – 32]. В Томской губернии в ходе реализации указанной программы к её первой части можно было отнести такие мероприятия, как:

- поиски новых земель для колонизации путём снаряжения научных экспедиций для сельскохозяйственного изучения ещё не заселённых районов и экономического обследования старожильческих хозяйств с целью выяснения излишков, выдача «домообзаводственных» ссуд;

- нарезка переселенческих участков, помощь переселенцам в передвижении до места водворения;

- врачебно-продовольственная помощь переселенцам по пути передвижения до места водворения.

К мероприятиям «земского» характера, относились следующие:

- врачебно-продовольственная помощь переселенцам (не на пути передвижения, а в местах водворения);

- выдача ссуд на «общепользные надобности», то есть на устройство школ, церквей, мелиорации, общественных зданий в переселенческих посёлках, производство дорожных и гидротехнических работ;

- организация сельскохозяйственных складов с целью распространения улучшенных семян и орудий труда;

- ветеринарная и агрономическая помощь, борьба с эпидемиями и помощь сиротам-переселенцам.

Анализ показателей бюджетного обеспечения крестьянской колонизации позволил выявить основные тенденции в её финансировании, а именно: сокращение с 1911 г. денежной поддержки собственно переселенческой составляющей и, напротив, увеличение ссудных средств по статьям «земской» части, направляемых на экономическое укрепление уже осевших в губернии семей. Выделенные деньги, несомненно, способствовали подъёму общего экономического и культурного уровня жизни в регионе. Их освоение с ежегодным повышением сумм по всем статьям расходов обусловило заметное развитие аграрного сектора [21, с. 21, 23].

Подведём итоги. Всё сказанное даёт право полагать, что основой сложившегося механизма управления бюджетом переселенческой политики в Томской губернии помимо других факторов явились представления чиновников центральных и губернских органов власти о надлежащих и целесообразных в рассматриваемый период взаимоотношениях государства с им же преобразуемым сельским миром. В ментальном измерении позиция властей о должном в этом вопросе соответствовало приверженности этатизму, воспринимаемому как само собой разумеющемуся активному участию государства в обеспечении жизнедеятельности подданных. Осознание важности такой меры по преодолению аграрного кризиса, как создание частнохозяйственной и юридической базы в целях формиро-

вания в крестьянской среде основ гражданского общества, обусловило существенное расширение спектра либеральных проявлений этатизма. Они выразились в комплексном подходе к организации и финансированию переселения в регион с последующим приоритетом в обеспечении новосёллов некоторыми элементами производственной и культурно-бытовой инфраструктуры. Устойчивость этатистских установок реформаторов в период проведения масштабных преобразований крестьянского мира питалась подсознательными связями с прочими ментальными стереотипами (экстенсивизм, коллективизм, служение, патронат и другими), а также солидарным представлением о традиционном предназначении государства перераспределять ресурсы для колонизационных нужд.

Литература

1. Алибеков, И. В. Этатизм в Турции / И. В. Алибеков: автореф. дис. ...д-ра эконом. наук. – Баку, 1994.
2. Ахиезер, А. С. Сфера Между и её осмысление / А. С. Ахиезер // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 5.
3. Баранцев, Р. Г. Становление тринитарного мышления / Р. Г. Баранцев. – Ижевск: РХД, 2005.
4. Батурина, Т. В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX – XX вв. / Т. В. Батурина: автореферат дис. ...канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999.
5. Белова, О. В. Этнические стереотипы по даным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование) / О. В. Белова: дис. ...д-ра филол. наук. – М., 2006.
6. Белянин, Д. Н. Организация крестьянских переселений на казённые земли Сибири в XIX – начале XX вв. / Д. Н. Белянин // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2010. – № 4.
7. Белянин, Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906 – 1914 гг.) / Д. Н. Белянин: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Кемерово, 2003.
8. Васильева, К. К. Менталитет: онто-этнологическое измерение: (на примере бурятского этноса) / К. К. Васильева. – М.: Русский мир, 2002.
9. Гладких, С. В. Этнические стереотипы как феномен духовной культуры / С. В. Гладких: дис. ...канд. филос. наук. – Ставрополь, 2001.
10. Горбунова, М. Г. Диалектика язычества и православия в структуре русского менталитета / М. Г. Горбунова: автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2001.
11. Горюшкин, Л. М. Развитие капитализма вширь в сибирской деревне периода империализма (1900 – 1917 гг.) / Л. М. Горюшкин: автореф. дис. ...д-ра. ист. наук. – Новосибирск, 1975.
12. Григорьева, А. А. Русский менталитет: сущность и структура (социально-философский анализ) / А. А. Григорьева: автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Томск, 2008.
13. Громыко, М. М. Мир русской деревни / М. М. Громыко. – М.: Молодая гвардия, 1991.
14. Губаненкова, С. М. Учение евразийства об этатизме – важнейшем составляющем российской политической культуры / С. М. Губаненкова // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. – 2010. – № 9.
15. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993.
16. Дорофеев, М. В. Земельные отношения в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / М. В. Дорофеев. – Новокузнецк: КузГПА, 2007.
17. Еникеев, М. И. Общая и социальная психология: учебник для вузов / М. И. Еникеев. – М.: НОРМА–ИНФРА, 1999.
18. Зиновьев, В. П. Переселение в Сибирь и на Кавказ / В. П. Зиновьев, Н. А. Фёдорова // *Энциклопедия «П. А. Столыпин»*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stolypin.ru/tncyclopedia/?ELEMENT_ID=928 (дата обращения 18.11.2011).
19. Интервью с В. Т. Рязановым / Т. А. Девятова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1530> (дата обращения 16.11.2011).
20. Камкин, А. В. Крестьянский мир на Русском Севере: (материалы по истории северорусских крестьянских сообществ XVIII века): учебное пособие / А. В. Камкин. – Вологда: Русь, 1995.
21. Карпинец, А. Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896 – 1916 / А. Ю. Карпинец: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Кемерово, 2003.
22. Ковалёв, В. В. Аксиологические стереотипы как фактор устойчивости российского общества / В. В. Ковалёв: автореф. дис. ...д-ра социолог. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
23. Кондаков, И. В. Архитектоника русской культуры / И. В. Кондаков // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 1.
24. Культурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под научн. ред. проф. Г. В. Драча. Изд. 8-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2005.
25. Лотман, Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. *Избранные статьи*. Т. 3. – Таллинн: Александра, 1993.
26. Майминас, Е. З. О социально-экономических особенностях развития России / Е. З. Майминас // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 3.
27. Минжуренко, А. В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков / А. В. Минжуренко: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1977.
28. Молотков, М. Б. Российский менталитет как фактор исторического выбора России / М. Б. Молотков: автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Иркутск, 2007.
29. Морозов, Н. М. Мобилизационный тип развития российской цивилизации / Н. М. Морозов // *Вестник Томского государственного университета*. Серия История. – 2011. – № 2.
30. Островский, И. В. Пётр Аркадьевич Столыпин и его время / И. В. Островский. – М., 1992.
31. П. А. Столыпин. Мысли о России. – М.: РОССПЭН, 2006.
32. Пантин, В. И. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы / В. И. Пантин, В. В. Лапкин [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: http://www.xrh.ru/e107_plugins/content/content.php?content (дата обращения 22.11.2011).

33. Пожигайло, П. А. Столыпинская программа преобразования России (1906 – 1911) / П. А. Пожигайло. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

34. Руткевич, А. М. Архетип / А. М. Руткевич // Культурология. XX век. Энциклопедия. – СПб.: Алетейя, 1998. – Т. 2.

35. Савицкий, П. Сметы переселенческого управления в период III Государственной думы / П. Савицкий // Вопросы колонизации. – 1916. – № 19.

36. Севастьянов, В. Н. Социальное время России / В. Н. Севастьянов, И. С. Малолеткова. – Красноярск: КГПУ, 2000.

37. Седаков, Н. Э. Архетипы бытия и символы культуры: Карл Густав Юнг и Мирча Элиаде / Н. Э. Седаков: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2004.

38. Семендяева, О. Ю. Стереотип как социальный и социально-психологический феномен / О. Ю. Семендяева: дис. ... канд. филос. наук. – М., 1986.

39. Сикевич, З. В. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты / З. В. Сикевич, О. К. Крокинская, Ю. А. Посель. – СПб.: Питер, 2005.

40. Скляр, Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скляр. – Л., 1962.

41. Слепцов, Е. Я. Старожильческая деревня Западной Сибири (середина 80-х гг. XIX в. – 1917 г.) / Е. Я. Слепцов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1978.

42. Соловьева, Е. И. Переселение крестьян в Томскую губернию в период Столыпинской аграрной реформы / Е. И. Соловьева: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1956.

43. Суходольская, Н. П. Социальный стереотип в жизнедеятельности людей / Н. П. Суходольская: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2009.

44. Сухотина, Л. Г. Крестьянство Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. / Л. Г. Сухотина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1963.

45. Тимошенко, А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки / А. И. Тимошенко. – Новосибирск: Параллель, 2007.

46. Томилова, Н. К. Переселение крестьян в Алтайский горный округ во 2-й половине XIX века (1865 – 1899 гг.) / Н. К. Томилова: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1970.

47. Транквилицкая, И. В. Развитие системы земледелия в Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. / И. В. Транквилицкая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2006.

48. Трофимов, В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект) / В. К. Трофимов: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2001.

49. Тюкавкин, В. Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху капитализма / В. Г. Тюкавкин: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1966.

50. Филатов, Ф. Р. Введение в аналитическую психологию Карла Густава Юнга. Понятие коллективного бессознательного. Лекция / Ф. Р. Филатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psydon.ru/viewpage.php?page_id=5 (дата обращения 15.04.2011).

51. Философия истории: учеб. пособие / под ред. проф. А. С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999.

52. Храмов, А. А. Земельная реформа в Сибири (1896 – 1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян: учебное пособие / А. А. Храмов. – Барнаул: АлтГУ, 1994.

53. Храмов, А. А. Столыпинские реформы в Сибири в оценках современных историков / А. А. Храмов // Вестник Томского государственного университета. Серия История. – 2009. – № 3.

54. Чернавский, М. Ю. Этатизм, принцип автаркии в экономике и идея государственного социализма в консервативных концепциях XIX начала XX века / М. Ю. Чернавский // Российская империя: стратегии и опыты обновления / под ред. М. Д. Карпачева, М. Д. Долбилова, А. Ю. Минакова. – Воронеж: ВГУ, 2004.

55. Чистяков, А. В. Материалы по конструктивной психологии / А. В. Чистяков. – К.: PSYLIB, 2001.

56. Шиловский, М. В. Роль государства в развитии производительных сил Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: к постановке проблемы / М. В. Шиловский // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX вв.: сборник материалов региональной научной конференции / отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск: РИПЭЛ, 2007.

57. Шкурко, Н. С. Социокультурные истоки российского этатизма / Н. С. Шкурко: дис. ... канд. филос. наук. – Якутск, 2000.

58. Щекотихин, В. Н. Этатизм и его роль в укреплении современной государственности: зарубежный опыт и российские тенденции / В. Н. Щекотихин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2008. – № 1.

59. Юнг, К. Г. Архетип и символ. Сборник статей: [пер. А. М. Руткевича] / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991.

60. Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Г. Юнг. – Киев: Post-Royal, 1996.